

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш.УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ
ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ»

ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

№ 2(22) сәуір-маусым 2020
ISSN 2710-3994

Бас редактор:
Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы

Редакциялық алқа:

- Абашин Сергей Николаевич – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Санкт-Петербургтегі Европа университеті (Ресей)*
- Абдырахманов Толобек Абылович – тарих ғылымдарының докторы, профессор, И. Арабаев атындағы Қызғыз мемлекеттік университетінің ректоры. (Қырғызстан)*
- Аяған Бүркітбай Ғелманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары. (Қазақстан)*
- Әлімбаев Нұрсан – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік музейінің директоры. (Қазақстан)*
- Әбусейтова Меруерт Қуатқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі. ҚР БҒМ ҒК Р. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының «Тарихи материалдарды зерттеу» орталығының директоры. (Қазақстан)*
- Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)*
- Голден Кэтті Стромайл (Kathie Stromile Golden) – PhD, Миссисипи өңірлік мемлекеттік университеті (Mississippi Valley State University) (АҚШ)*
- Кәрібаев Берекет Бақытжанұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Қазақстан тарихы» кафедрасының меңгерушісі. (Қазақстан)*
- Қожамжарова Дария Пернешқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің ректоры. (Қазақстан)*
- Кожирова Светлана Басиевна – саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры (Қазақстан)*
- Козодой Виктор Иванович – тарих ғылымдарының докторы, профессор. (Ресей)*
- Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан)*
- Көмеков Болат Ешмұхамедұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қытшақтану институтының директоры, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)*
- Матыжанов Кенжехан Ісләмжанұлы – филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының директоры. (Қазақстан)*
- Моррисон Александр (Morrison Alexander) – PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания)*
- Муртазаева Рахборхон Хамидқызы – тарих ғылымдарының докторы, Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті «Өзбекстан тарихы» кафедрасының профессоры. (Өзбекстан)*
- Панто Дмитрий (Panto Dmitri) – PhD доктор, Гданьск қаласындағы Екінші дүниежүзілік соғыс мұражайының ғылыми қызметкері. (Польша)*
- Римантас Желвис (Želvy Rimantas) – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті (Литва)*
- Самашев Зайнолла Самашұлы – археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Герман археология институтының корр.-мүшесі. ҚР БҒМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институты. (Қазақстан)*
- Сайлан Болат Санабайұлы – тарих ғылымдарының докторы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. (Қазақстан)*
- Смағұлов Оразақ Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)*
- Сыдықов Ерлан Бәтташұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры. (Қазақстан)*
- Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)*

Жауапты редактор:
Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы

Ғылыми редактор:
Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы

Редактор:
Кубеев Рустем Жаулыбайұлы

Жауапты хатшы:
Қоңқабаева Арайлым

Техникалық хатшы:
Хумарзах Алтынбек

Главный редактор:
Кабульдинов Зиябек Ермуханович

Редакционная коллегия:

- Абашин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)*
- Абдырахманов Толобек Абылович – доктор исторических наук, профессор, ректор Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (Кыргызстан)*
- Алимбай Нурсан – кандидат исторических наук, профессор, директор Центрального государственного музея Республики Казахстан (Казахстан)*
- Абусеитова Меруерт Хуатовна – доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Республиканского центра по изучению исторических материалов Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)*
- Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МОН РК (Казахстан)*
- Аяган Буркитбай Гелманович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства КН МОН РК (Казахстан)*
- Голден Кэтти Стромил (Kathie Stromile Golden) – PhD, Государственный университет долины Миссисипи (Mississippi Valley State University) (США)*
- Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)*
- Карибаев Берекет Бахытжанович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий кафедрой истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)*
- Кожамжарова Дария Пернешовна – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Южно-Казахстанского университета им. М.Ауэзова (Казахстан)*
- Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований (Казахстан)*
- Козодой Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор (Россия)*
- Кокебаева Гульжаухар Какеновна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова КН МОН РК (Казахстан)*
- Кумеков Болат Ешимхамбетович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан)*
- Матыжанов Кенжехан Слямжанович – доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова (Казахстан)*
- Моррисон Александр (Morrison Alexander) – PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания) Муртазаева Рахборхон Хамидовна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории Узбекистана» Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека. (Узбекистан)*
- Панто Дмитрий (Panto Dmitri) – доктор PhD, профессор, главный специалист научного отдела Музея Второй мировой войны г. Годаньска (Польша)*
- Римантас Желвис (Želvyys Rimantas) – доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет (Литва)*
- Самашев Зайнолла Самашевич – археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Германского археологического института. Институт археологии им. А.Маргулана КН МОН РК (Казахстан)*
- Сайлан Болат Санабаевич – доктор исторических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)*
- Сыдыков Ерлан Батташевич – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан)*
- Таймагамбетов Жакен Кожажметович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК (Казахстан)*

Ответственный редактор:
Каипбаева Айнагуль Толганбаевна

Научный редактор:
Козыбаева Махаббат Маликовна

Редактор:
Кубеев Рустем Джаулыбайулы

Ответственный секретарь:
Конкабаева Арайлым Нурболатовна

Технический секретарь:
Хумарзах Алтынбек

Editor-In-Chief:

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich

Members of editorial board:

Abashin Sergei Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, European University at St. Petersburg (Russia)
Abdyrakhmanov Tolobek Abylovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of I. Arabaev Kyrgyz State University (Kyrgyzstan)

Alimbay Nursan – Candidate of Historical Sciences, Professor, Director of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Abusseitova Meruert Khuatovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of the Republican Center for the Study of Historical Materials at R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)

Abil Yerkin Amanzholovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan)

Ayagan Burkhitbai Gelmanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan)

Golden Kathie Stromile – PhD, Mississippi Valley State University (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University (Kazakhstan)

Karibayev Bereket Bakhytzhonovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Kozhamzharova Daria Perneshovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the Republic of Kazakhstan, rector of the M. Auezov South Kazakhstan University (Kazakhstan)

Kozhirova Svetlana Bassieva – Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies (Kazakhstan)

Kozodoi Viktor Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, chief researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MES RK (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the International Institute of Kipchak Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

Matyghanov Kenzhekhan Slyamzhanovich – Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of M. Auezov Institute of Literature and Art (Kazakhstan)

Morrison Alexander – PhD, Professor, University of Oxford (UK)

Murtazayeva Rakhborkhon Khamidovna – doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «History of Uzbekistan» of Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan. (Uzbekistan)

Panto Dmitri – PhD, researcher at the Museum of the Second World War in Gdansk (Poland)

Rimantas Želvys – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University (Lithuania)

Samashev Zainolla Samashevich – archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of German Archaeological Institute. A. Marghulan Institute of Archeology CS MES RK (Kazakhstan)

Sailan Bolat Sanabayevich – Doctor of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Sydykov Erlan Battashevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Executive Editor:

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna

Scientific Editor:

Kozybayeva Makhabbat Malikovna

Editor:

Kubeyev Rustem Dzhaulybayevich

Executive Secretary

Konkabayeva Arailym Nurbolatovna

Technical secretary:

Khumarzak Altynbek

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

РАБОЧАЯ СИЛА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Абылхожин Ж.Б.

ГНС Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Казахстан, г. Алматы.

Аннотация: *Введение.* В статье рассматриваются вопросы формирования нового рабочего класса советского Казахстана. Особо подчеркивается значение принудительного труда спецпереселенцев и узников исправительно-трудовых лагерей в реализации планов социалистического строительства. Колоссальная роль в планах социалистической индустриализации отводилась узникам ГУЛАГа, ставшего тайный, для непосвященной массы советских людей, сталинским меганаркоматом «подневольного труда». При рассмотрении происходивших в республике процессов «формирования нового рабочего класса», анализируется социальная структура народонаселения, в частности, несоответствие крестьянского, а по культурно-цивилизационным характеристикам – типично аграрно-традиционного общества - модернистским лозунгам освоения планеты и строительства нового мира. В этом смысле специфику труда описываемой эпохи правомернее сравнить с «ирригационным тоталитаризмом» восточных и египетских деспотий древности. К тому же, промышленный рабочий класс Казахстана первых пятилеток обнаруживает доминирующие в массовом сознании императивы традиционной общинно-крестьянской субкультуры.

Ключевые слова: аграрно-традиционное общество., класс, рабочий, ресурсы, индустриализация, человечески , ГУЛАГ, Казахстан, пятилетка

ИНДУСТРИЯЛАНДЫРУДЫҢ ЖҰМЫС КҮШІ

Абылхожин Ж.Б.

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институтының БҒҚ. Қазақстан, Алматы қ.

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада Кеңестік Қазақстанның жаңа жұмысшылар табының қалыптасуы талқыланады. Әлеуметтік құрылыс жоспарларын іске асыруда арнайы қоныс аударушылар мен еңбекпен түзеу лагерьлері тұтқындарының мәжбүрлі еңбегінің маңызы ерекше атап өтіледі. Әлеуметтік индустрияландыру жоспарларында айрықша рөл ГУЛАГ тұтқындарына, яғни кеңестік адамдардың көпшілігіне беймәлім, құпия болған «еріксіз еңбек» Сталиндік меганаркоматына берілді. Республикада болып жатқан «жаңа жұмысшылар табын қалыптастыру» процестерін қарау кезінде халықтың әлеуметтік құрылымы, атап айтқанда, шаруа қожалығының сәйкес келмеуі, ал мәдени-өркениеттік сипаттамалар бойынша – типтік аграрлық-дәстүрлі қоғамның ғаламшарды игеру мен жаңа элем құрылысының модернистік ұрандары талданады. Осы мағынада сипатталған дәуірдің еңбек ерекшелігін ежелгі шығыс және мысыр деспотияларының «ирригациялық тоталитаризмімен» салыстыру заңды. Сонымен қатар, Қазақстанның өнеркәсіптік жұмыс тобы бірінші бесжылдықты көпшілік санада дәстүрлі қауымдық-шаруа субмәдениетінің басым императивін табады. Сонымен қатар, Қазақстанның өнеркәсіптік жұмысшы табы алғашқы бесжылдықта бұқаралық сана үстемдік ететін дәстүрлі қауымдық-шаруа субмәдениетінің қажеттіліктерін көрсетеді.

Түйін сөздер: индустрияландыру, адами ресурстары, ГУЛАГ, Қазақстан, бесжылдық, жұмысшылар табы, аграрлық-дәстүрлі қоғам.

LABOR FORCE OF THE INDUSTRIALIZATION

Abylkhozhin Zh.B.

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Chief Researcher. Kazakhstan, Almaty

Abstract. Introduction. The article discusses the formation of a new working class in Soviet Kazakhstan. The importance of forced labor of special migrants and prisoners of forced labor camps in the implementation of plans for socialist construction is emphasized. A tremendous role in the plans of socialist industrialization was given to the prisoners of the Gulag, which had become a secret, for the uninitiated mass of Soviet people, Stalinist mega-People's Commissariat of «forced labor». When considering the processes of «the formation of a new working class» taking place in the republic, the social structure of the population is analyzed, in particular, the mismatch between the peasant and, according to the cultural and civilizational characteristics, of a typical agrarian-traditional society, with the modernist slogans of exploring the planet and building a new world. In this sense, the specifics of the work of the era described are more justified in comparing with the «irrigation totalitarianism» of the eastern and Egyptian despots of antiquity. In addition, the industrial working class of Kazakhstan during the first five-year periods reveals the imperatives of the traditional communal-peasant subculture that dominate the mass consciousness.

Keywords: industrialization, human resources, GULAG, Kazakhstan, five-year plan, working class, agrarian-traditional society.

Введение

Беспрецедентная масштабность и ускоренная динамика темпов разворачивавшихся в стране индустриальных планов требовали столь же объемного и быстрого наращивания массы живого труда, т. е. промышленной людской рабочей силы. И в преломлении этой задачи дела обстояли, на первый взгляд, как будто бы не так уж плохо.

Если в начале 1928 г. численность рабочих, труд которых был связан с промышленной сферой материального производства, определялась в Казахстане в 16 тыс. чел., то к концу первой пятилетки (1932 г.) - 76667 чел., в завершающем году второй пятилетки (1937 г.) – 145683 чел., а в 1940 – 158 тыс. чел. (ЦГА РК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1468. Л.1; Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Казахской ССР за годы второй пятилетки. 1940:46; Народное хозяйство Казахской ССР. 1957:255). Таким образом, численность промышленных рабочих возросла с 1928 по 1940 гг. почти десятикратно.

Особенно бурный рост численности рабочих наблюдался в годы первой пятилетки – в 4,8 раза. Столь внушительная мобилизация рабочей силы для промышленности объяснялась, конечно же, отнюдь не массовым «индустриальным порывом советских людей», движимым призывами большевистской партии «включиться в Великие стройки социализма», как это вульгаризировалось в сталинской, да и более поздней советской историографии. Безусловно, патриотическое подвижничество и накал энтузиазма сыграли здесь очень важную роль. Тем не менее, за счет одного только этого посыла, пускай достаточно массового и сильнейшим образом идеологически заряженного, решить проблему было невозможно.

Сталин и его ближайшие сподвижники являлись лишь изоцирено искусными имитаторами революционного романтизма, но отнюдь не его фанатичными поборниками, а потому

усматривали более серьезные, а самое главное, существенные источники аккумуляции трудовых ресурсов для промышленности. В качестве наиболее обширного и неисчерпаемого из них усматривалось крестьянство.

В принципе в таком видении не было чего-то оригинального, поскольку в мировой истории в периоды промышленных революций, да и не только, именно последнее канализировало индустриальную рабочую силу. Однако большевистский опыт был в этом отношении действительно исторически беспрецедентен, прежде всего, конечно, в плане его трагической реализации.

Материалы и методы

Известно, что в условиях капиталистической экономики аграрное перенаселение (вытеснение относительно избыточной части сельского населения из аграрной сферы занятости) расширенно воспроизводилось рыночной конкуренцией: не выдерживавшие ее работники аграрного труда были вынуждены перемещаться в города или иные очаги альтернативной занятости. Кроме того, здесь далеко не в последнюю очередь сказывалось снижение количественных потребностей агросферы в трудовых ресурсах в связи с нарастанием компенсаторных возможностей достижений научно-технологического прогресса (один высокопроизводительный комбайн, например, мог заменить на уборке урожая труд сотни физических работников).

Если иметь в виду традиционные, докапиталистические сельские общества, скажем, стран Востока, то здесь главным фактором процесса аграрного перенаселения являлся рост крестьянского народонаселения. Отсталый, почти архаический уровень сельскохозяйственного производства при быстром росте деревенского населения и деградации почвенных ресурсов (истощении их естественно-природного потенциала) вызывали нарастание демографического давления на хозяйственно осваиваемую территорию, которая уже не могла прокормить естественный прирост сельской народонаселенческой популяции, а потому все более нарастающая часть сельчан выталкивалась в города.

В «стране строившегося социализма» ни капиталистический, ни аграрно-традиционный типы аграрного перенаселения, понятно, не имели место. Беспрецедентный исход из деревни провоцировался потрясавшими ее государственным антикрестьянским репрессивным террором (опустошительными заготовками сельхозпродукции, закручиванием пресса налогообложения, другими формами безвозмездного изъятия государством продукта крестьянского труда), коллективизацией, раскулачиванием и, как их следствием, - голодом. Их массовые жертвы, движимые трагической безысходностью, порожденной политикой сталинского режима, устремлялись в поисках лучшей доли в города и на промышленные стройки пятилеток.

Обсуждение

Огромным резервом промышленной рабочей силы стали депортированные в «кулацкую ссылку» крестьяне. На начало 1932 г. в Казахстане на учете спецкомендатур состояло 186 тыс. так называемых спецпереселенцев (согласно по-иезуитски лицемерной терминологии ГУЛАГа, именно так стали именоваться раскулаченные крестьяне; если убрать приставку «спец», то можно было подумать, что речь идет о неких вольных колонистах, пустившихся под ветрами авантюристической романтики осваивать неведомые территории). На 1 января 1933 г. их численность определялась здесь в 140383 чел., на 1 января 1938 г. – 134655 чел. и на тоже время 1940 г. – 137 043 чел. (Земсков, 1991: 3 -21).

В февраля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание ОГПУ, занимавшемуся практической реализацией кампании по раскулачиванию, определиться с районами кулацкой

ссылки и дислокацией поселков проживания депортируемых крестьян. При этом предписывалось обратить особое внимание на территории южнее Караганды. И это понятно, ведь Центральный Казахстан с его огромным потенциалом угледобычи и промышленности цветной металлургии к тому времени уже находился в фокусе «индустриальных интересов» сталинского руководства.

Результаты исследования

В результате вокруг Караганды (в основном в Осакаровском районе) стали возникать спецпереселенческие поселки, хотя тогда называть их так можно было лишь чисто условно, только по компактности пространственной концентрации в этих резервациях семей раскулаченных. По крайней мере, изначально они представляли собой скопище вырытых прямо в степи чуть ли не голыми руками «волчьих ям» размером 2 X 2 м (чем не готовая могила?), накрытых сверху какой-либо дерюгой, мешковиной или дерном. Это только позже стали сооружаться продуваемые всеми ветрами и насквозь промерзаемые в холодное время деревянные бараки.

В результате катастрофического продовольственного кризиса, порожденного, как уже отмечалось, несоизмерно огромными по своим объемам изъятиями по государственным заготовкам продукта крестьянского труда, большим выбытием зерна из внутренних резервов страны вследствие нарастающего его экспорта, социально-классовой кампанией по раскулачиванию, вылившейся в ликвидацию наиболее экономически крепких сельских производителей (в казахском ауле – крупных скотовладельцев) и, конечно же, массовой коллективизацией (и все это, к тому же на фоне сильно неурожайных 1931, 1932, да и 1933 годов), продовольственные ресурсы, которые государство могло аккумулировать в фондах продуктового карточно-нормированного снабжения, были крайне сужены. Так, по данным бюджетных обследований месячные нормы потребления продуктов питания на 1 человека в промышленном Риддере в расчете на день были следующими: овощи – 117 гр, фрукты – 25,6 гр, мясо – 35,4 гр, рыба – 59 гр, молоко – 102 гр, масло животное 0,8 гр, масло растительное – 4,4 гр, сахар – 26,4 гр, чай – 1 гр. (ЦГА РК. Ф.698. Оп. 4. Д. 310. Л. 33)

Рабочие и их семьи из второго и третьего списков городов не получали из централизованного снабжения муку и масло, а из списка №3-также мясо и рыбу. Иначе, как издевательством над «подлинным хозяином страны - пролетариатом» нельзя было рассматривать нормы по чаю – 300 гр на год, что равно 25 гр в месяц или 0,8 гр в день, т.е. даже не полную щепотку (не зря бытовые журналы того времени типа «Работница и крестьянка», «Дом и хозяйство» и др. делились с читателями рецептами изготовления суррогатного чая из моркови, рябины и других «полезных для здоровья» овощей и плодово-ягодных заварок).

Но что здесь самое трагичное, так это нормы для детей до 14 лет – решающего возрастного периода для их физиологического формирования. Детям из второго и третьего списков не выделялись из централизованного снабжения мука и масло, а из третьего – еще мясо и рыба. Нормы по крупам рассчитывались для детей в пределах от 20 до 17 гр в день (попробуй, свари даже жиденькую кашу для грудного ребенка). Вольно или невольно, но получалось, что государство распространяло свои классово-социальные принципы даже на сферу детского снабжения. После этого не иначе, как насквозь фарисейским лицедейством выглядели пестревшие по всей стране плакаты, на котором дети в пионерском салюте, радостно улыбаясь, как бы восклицали: «Спасибо родному Сталину, за наше счастливое детство!».

Реальность обнажала легендированность и главного советского мифа о подлинном хозяине страны – «Его величестве рабочем классе», который якобы делегировал большевистской партии и ее вождям право осуществлять «диктатуру пролетариата». Его «слуги» в лице к тому времени уже вполне сформировавшейся партийно-государственной элиты получали совсем другие

«пайки» в виде недоступного для рядовых граждан продовольственного обеспечения, привилегированных жилищных условий, медицинского обслуживания и отдыха, «партмаксимумов» и прочее, и прочее. О повседневной жизни вождей, их «скромном быте» в 1930-е годы в последнее время написано немало и, по-видимому, здесь нет надобности еще раз подтверждать какими-то примерами нарастания в этот период вопиющего отрыва жизненного уровня номенклатуры от бытия народных масс.

В пределах Карагандинского угольного бассейна было развернуто 30 таких поселений - около трети, из ста подконтрольных спецкомендатурам поселков, размещенных в Казахстане. Поселки (по крайней мере, значительная их часть) прикреплялись к карагандинским шахтам, на которых заточенные этих сталинских «социально-классовых гетто», будучи до предела истощенными голодом и холодом, тяжелыми болезнями, теперь были вынуждены выполнять тяжелые работы на земле и под землей. Другой альтернативы занятости просто не было, не заниматься же привычным хлебопашеством в аридном Центральном Казахстане, к тому же без наличия даже минимума первичных производственных ресурсов – семян, рабочего скота, элементарных орудий земледельческого труда.

Конечно, тяжесть изнурительных физических работ, характер которых тогда отнюдь не далеко ушел от способов труда средневековых угледобытчиков и рудокопов (та же мускульная сила человека и прилагаемые к ней кирка или кайло, лопата и тачка), испытывали все. Но в отличие от спецпереселенцев они, хотя и также существовали на грани выживания, все же имели относительно более терпимые житейско-бытовые условия и уж, конечно, не находились, подобно раскулаченным, в положении изгоев, подавленных всеокружающе осуждающим общественным моральным террором.

В начале 1934 г. на предприятиях «Карагандауголь» работали 10397 чел., из них – 5525 чел. являлись спецпереселенцами. К середине 1938 г. в Карагандинской области проживало 91297 раскулаченных, из них 19115 чел. трудились на объектах угольной промышленности (Земсков, 1991: 3-21). Следовательно, самый значительный контингент рабочей силы «третьей всесоюзной кочегарки» формировался за счет спецпереселенцев. Кроме этого, они работали на казахстанских предприятиях системы Наркомтяжпрома (16822 чел.), Цветметзолота, строительстве дорожных трасс (трудом исключительно спецпереселенцев было проложено около 170 км грунтовых дорог) и железных дорог (например, на прокладку железной дороги Акмолинск – Караганда были брошены 2567 чел. уже с самых первых этапов раскулаченных) и т.д. (Земсков В. Н. 1991:3-21). Это и была система «трудового перевоспитания бывших эксплуататоров деревни», выстроенная Сталиным и его огепаэушными и энкавэдэшными опричниками.

Теперь уже довольно хорошо известно, какая колоссальная роль в планах социалистической индустриализации отводилась узникам ГУЛАГа. Под этим зловещим существительным – аббревиатурой (по выражению Туровской) денно и ночью функционировал тайный, для непосвященной массы советских людей, сталинский меганаркомат «подневольного труда».

Уже много писалось и продолжает публиковаться о скорбно известном Карлаге. Напомним только, что численность его заключенных в 1932 г. составляла 10 тыс. чел., а через два года, в 1934 г. – она возросла в 2,5 раза. Ясно, что на обширном степном пространстве за колючей проволокой и вышками охранников концентрировалась огромная армия подневольного и дармового для государства труда. Если иметь в виду, что, скажем, в 1937 г. численность всех рабочих, занятых в индустрии Казахстана, определялась, как уже отмечалось, в 145 683 чел., а контингент карлаговцев приближался тогда к 40 тыс. чел., то получится, что потенциал рабсилы одного только этого лагеря составлял гораздо более четверти всего вольнонаемного промышленного труда республики. (В рамках переписи населения 1939 г. уполномоченными органов НКВД в Карлаге было переписано в особом порядке, т. е. в закрытом режиме 125 тыс. чел.) (АП РК. Ф. 708. Оп. 139. Д. 2533. Л. Л.3.).

Карлаг был ориентирован на сельскохозяйственное производство с целью продовольственного снабжения центральноказахстанского угольно-металлургического региона. Однако труд его заключенных исподволь эксплуатировался на подрядных работах по строительству Караганды, Балхашского медеплавильного завода, Актюбхиммаша, железных дорог, на джезгаганских рудниках и т.д. Трудовые колонны тысяч и тысяч заключенных ежедневно выходили из ворот лагерей, на арках которых были прописаны откровенно циничные, применительно к данному случаю и похожие здесь больше на эпитафию, слова моральных назиданий сталинского лозунга «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и героизма!» (сравним с бесчеловечно кощунственной надписью на воротах нацистских концлагерей Освенцима и Заксенхаузена – «Arbeitmachtfrei» - «Труд делает свободным» или «Труд освобождает»).

Таким образом, судя по удельному весу труда заключенных в промышленном производстве, система ГУЛАГа являлась в период первых пятилеток одним из важнейших источников поставки рабсилы для индустриализации. К тому же, резервы ее были поистине неисчерпаемы, ведь согласно сталинской теории, по мере успехов в движении к социализму накал классовой борьбы будет только нарастать, а потому на этом поле брани еще долго можно будет собирать обильный урожай «врагов народа».

Если сталинская практика государственно организованной эксплуатации массового подневольного труда была, начиная, по крайней мере, с эпохи просвещения исторически беспрецедентна, во всяком случае, в пределах европейского пространства (правда, уже вскоре нацистский Третий Рейх превзойдет этот «опыт» своими чудовищными масштабами и запредельным садо-патологическим человеконенавистничеством), то массовое использование в индустрии женского труда уже со времен первых промышленных революций было явлением достаточно обыденным. Но и здесь сталинский режим отличался своей «модификацией», ибо женский труд в годы первых пятилеток пропагандистски-идеологически сакрализировался как «неведомая до Октябрьской революции социалистическая эмансипация женщин», как одно из воплощений высоких идеалов «диктатуры пролетариата» - всеобщего равенства, в том числе и гендерного в труде.

Численность женщин, занятых в промышленности Казахстана, росла стремительными темпами. Если в 1927 г. здесь их было 1,2 тыс. чел., то в начале 1936 г. – 19,2 тыс., т. е. отмечался рост в 16 раз. Только за годы первой пятилетки удельный вес женского труда, занятого в промышленности, увеличился с 10,3 до 17,3 процентов (Народное хозяйство Казахстана: 1937: 129-130; АП РК. Ф. 141. Оп. 6502. Л. 32-33).

В отчете Госплана КАССР об итогах первой пятилетки делался в связи с этим такой, чуть не ликующий, вывод: «Приведенные данные с неоспоримостью показывают быстрое высвобождение женского труда из непроизводительного (конечно, не для семьи, а с точки зрения прагматических интересов государства. - авт.) домашнего хозяйства и включение его в общественно-полезный высокопроизводительный труд, и женщина, наравне с мужчиной становится активным строителем нового, социалистического общества» (ЦГА РК. Ф.5. Оп. 14. Д. 227. Л.16).

Понятно, что такая констатация, оформленная в этом отчете (да, и во многих других торжественных рапортах того времени) в привычную стилистику лозунговой пропагандистской риторики, не отражала реального положения вещей. Действительно, многие женщины, «вступая поз знамена социалистической индустриализации» (еще один распространенный трафарет публицистики тех лет), были движимы стремлением стать, наравне с мужчинами, ее непосредственными творцами. Однако основная масса женщин – тружениц производства руководствовалась здесь вовсе не соображениями, говоря в современных терминах, гендерного равенства или какими-то феминистскими позовами (во всем уравниваться с правами мужчин).

Известно какими до предела мизерными были нормы продуктового рационирования для промышленных рабочих (не то что бы семью, но и себя было невозможно прокормить), не говоря уже о гораздо еще меньших лимитах для их иждивенцев, т.е. членов семей. Именно поэтому, если отбросить высокопарную пропагандистскую казуистику, женщины были вынуждены идти на производство с тем, чтобы своей «рабочей пайкой» хотя бы как-то пополнить скудное питание своей семьи, и дать ей выжить в это голодное лихолетье.

Куда еще не шло, если бы трудом горожанок, а главным образом, конечно, селянок пополнялись традиционно «женские» отрасли промышленности, например, легкая и пищевая. Но женщины весьма заметно присутствовали во многих нишах и типично «мужских» производствах, т. е. там, где требовалось приложение физически тяжелых и энергетически напряженных усилий, а именно – маскулинного труда. Теперь таким трудом, были вынуждены заниматься и женщины. Так, на начало 1937 г. в общей численности рабочих, занятых, например, в каменноугольной промышленности Казахстана удельный вес женщин составлял 19 процентов, рудодобывающей – 13,3, металлообрабатывающей – 14,1, производстве строительных материалов – 31,3 (Национальный состав кадров предприятий в Казахстане. 1936: 16-18).

В целях ускорения темпов индустриализации на пропагандистский щит было вознесено «движение ударников пятилетки», которое якобы зародилось в трудовых коллективах, но в действительности, конечно же, было инициировано партийными комитетами. Под ударным трудом подразумевалось систематическое перевыполнение производственных норм, что в условиях повсеместно преобладавшего ручного физического труда было, естественно, сопряжено с огромным перенапряжением рабочей силы.

Ударники, перекрывая установленные задания, причем нередко в 2- 3 и более раз, получали соответственно повышенную зарплату. Но главным стимулом к ударному труду служила не она, а возможность отоварить заработанные деньги на большее количество продуктов питания и предметов вещевого дефицита, поскольку применительно к передовикам в госторговле устанавливались несколько повышенные нормы отпуска товаров, а также относительно лучшие жилищные условия. Тогда, как по отношению к неударникам, по личному распоряжению Сталина (о чем уже писалось выше), снабжение осуществлялось по урезанным нормам, в последнюю очередь предоставлялось им и жилье. При такой дискриминации, как говорится, поневоле захочешь стать ударником.

Движимые пропагандистскими призывами, а по большей части, конечно, чисто материальной заинтересованностью, в ударническое движение включались и работницы-женщины. Довольно типичен в этой связи пример, приведенный в письме женщины-казашки, ударницы, трудившейся на Ачисайском руднике и написавшей летом 1933 г. следующее письмо в редакцию одной из центральных республиканских газет: «Как же я стала ударницей? Дневная норма откатчика (попросту говоря, «толкальщика» тележки вагонного типа. – Авт.) от 11 – от 12 вагонеток до 14... Откатываю в день по 17, а то и по 23 вагонетки... 1 мая меня назвали ударницей и подарили платок» (Социалистік Қазақстан, 1933).

Если учесть, что вес, вручную перемещаемой, даже порожней железной вагонетки, не говоря уже о загруженной рудной породой, составлял ни одну сотню килограммов, то нетрудно представить, какими физически изнуряющими были ежедневно ударные тонны-километры для этой работницы. Не случайно даже рабочие – мужчины сочувственно говорили ей: «Ты скоро уморишься», «протянешь ноги» (Социалистік Казакстан. 1933. 11 июля). Имея в виду, что на том же Ачисайском руднике удельный вес женского труда составлял, по данным на 1936г., 13,9 процентов, на аналогичных производствах Дзезказганского комбината – 8,7, «Алтайполиметалла» - 15,3 процента (Национальный состав кадров предприятий Казахстана, 1936: 16-18), можно предположить, что ударниц, подобных автору приведенного здесь письма, было немало.

Будучи занятыми на производстве, в том числе, предназначенном отнюдь не для «слабого пола», многие женщины, благодаря «отеческим заботам» государства, были действительно «высвобождены из непроемчивого домашнего хозяйства». Да и о каком хлопотном домашнем хозяйстве, в нормальном его понимании, можно было теперь говорить, если для приготовления семейного обеда - ужина из ничтожно малых продуктивных нормированных пайков и уборки выделенных предприятием под жилье квартиры-каморки или обозначенной фанерной перегородкой площади в 4 кв. м в бараке, хватало нескольких минут, а у работниц-казашек, представленных, главным образом, откочевщиками, которых коллективизация напрочь лишила скота – главного объекта семейного хозяйства, заботы по дому также свелись к вынужденному минимуму, разве что надзор за детьми, но кормить-то их надо было.

Работницы-женщины, наравне с мужчинами, ежедневно рисковали своим здоровьем не только в силу тяжести работ, но и потому, что на производствах, где они были заняты, очень часто, точнее, как правило, игнорировались элементарные инструкции по охране труда, а как следствие этого была ненормально высокий уровень травматизма.

Вот один из достаточно массовых тогда примеров. Проверками на Чимкентском свинцовом заводе (1936 г.) было выявлено следующее: «За 8 месяцев 1936 г. (январь-август) было 300 случаев (в среднем получается около 38 в месяц, т.е. ежедневно. - авт.) отравления рабочих свинцовыми газами (удушья, угар от газа). Рабочие угорают до обмороков, падают, после этого их приводят в сознание, отправляют в пункт скорой помощи, дают день отдыха и на следующий день рабочий обязан явиться на загрузку агломерата, и работать до следующего угара. Рабочие, работая на загрузке, из-за обильно выделяющегося газа не видят друг друга на расстоянии 1,5 метра и дышат газом» (АП РК. Оп. 141-1. Оп. 1067. Д. 12836. Л. 15). Между тем, женщины на этом заводе составляли 16,6 процента от всех работающих (Национальный состав кадров предприятий Казахстана. 1936: 16-18). Вряд ли нужно говорить, какой серьезной угрозе подвергалось их здоровье, ведь в организме ежедневно накапливались тяжелые металлы. Но администрации было не до охраны труда своих рабочих, главное – темпы и еще раз темпы, именно этого требовало государство.

Понятно, что разворачивавшиеся в Казахстане планы индустриализации втягивали в свою орбиту казахское население. Причем, процесс этот имел не какой-то постепенно нарастающий характер, а был почти моментным. Особенно это становится заметным на фоне сравнения динамики темпов роста численности общего контингента рабочих промышленности и занятых здесь казахов.

Так, если численность всех промышленных рабочих республики возросла за две первых довоенных пятилетки в 6 раз, то рабочих – казахов – в 15 (Резолюции и постановления VII Всеказахской партконференции, 1930: 32; VIII Краевая конференция ВКП (б). 1935: 26; Народное хозяйство Казахстана. 1937: 126). Соответственно увеличился и удельный вес казахов в общей массе рабочих. На многих объектах крупной промышленности они составляли абсолютное большинство рабочей силы. В 1936 г., например, на Джекказганском медном руднике на казахов приходилось 88,1 процента, предприятиях «Эмбанефти» – 77,2, «Карагандауголь» – 62,1, Карсакпайском медеплавильном заводе – 76,2, Ачисайском свинцовом и Джекказганском медном рудниках, соответственно, - 72,5 и 88,1 процента (Народное хозяйство Казахстана. 1937. 126). Период наибольшей, точнее будет даже сказать, «взрывной» динамики вовлечения казахского населения в промышленное производство пришелся на первую пятилетку. С 1927 по 1933 гг. численность казахских рабочих, занятых в промышленности, возросла с 2,7 тыс. чел. до 27,7 тыс., т. е. более чем в 10 раз. К концу пятилетки (1933 г.) их удельный вес в общей совокупности рабочих промышленного производства равнялся 36 процентам, тогда как в 1927 г. – около 10 (Резолюции и постановления VII Всеказахской партконференции, 1930: 32; VIII Казахстанская краевая конференция ВКП (б). 8 – 16 января 1934 г., 1935: 26. Подсчитано автором).

В отчетах руководящих партийных и советских органов КАССР тех лет вся эта, действительно, разительная статистика комментировалась как результат «активного включения казахского населения в социалистическую индустриализацию». В советской историографии этот процесс описывался в еще более пафосных идеологических обрамлениях: дескать, это ничто иное, как убедительное проявление «торжества ленинской (до XX съезда КПСС – «сталинской») национальной политики», «заботы Коммунистической партии о формировании кадров национального отряда рабочего класса».

На самом деле стремительный рост численности казахских рабочих был обусловлен вторгавшимся в аулы Казахстана массовым голодом, пик которого пришелся на 1932-1933 гг., но начинавшимся уже в 1929 г. Как уже писалось в предыдущем разделе, он был вызван именно планами форсированной индустриализации и соподчиненной ей силовой коллективизацией крестьянства. Пораженная исторически беспрецедентной стихией голода, Степь познала невиданные до того массовые откочевки казахов.

В апреле 1933 г. секретарь Казкрайкома ВКП(б), Л. Мирзоян, как бы подводя трагические итоги деятельности в Казахстане своего предшественника, Голощекина, и, по-видимому, наивно полагая, что Сталин не ведает о масштабах критически бедственного положения казахского населения, писал ему и Молотову: «По нашим данным откочевками затронут 71 район, из них 50 кочевых и полукочевых и 21 оседло - земледельческих. Особенно поражены откочевками районы Южной области, Алма-Атинской области, южная часть Карагандинской области, западная часть Восточной области и южная часть Актюбинской области и несколько районов Западной области... По всем областям находится в состоянии откочевки (за исключением, кто вне пределов республики), т.е. снялись со своих мест (спасаясь от голода. – Авт.) и двинулись в другие районные центры... , примерно 90 тыс. хозяйств с общим количеством населения 300 тыс. душ... В Аулие-Ате 12 тыс. откочевников, Туркестане – 8 тыс., Кзыл-Орде – 6 тыс., Петропавловске – 12 тыс. Балхашстрое - 2 тыс., Караганде – 2 тыс.» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5827. Л.33, 34).

Как видно из документа, среди регионов, в наибольшей степени охваченных откочевкам, были и те, где дислоцировалось строительство крупных объектов индустриализации: Турксиб, «Карагандауголь», «Эмба нефть», Актюбинский химический комбинат, Чимкентский свинцовый завод, Прибалхашстрой, Джекказганский медный и Ачисайский свинцовый рудники и т. д. Они и являлись зонами притяжения голодающей резервной армии труда, невольные рекруты которой были готовы на самую тяжелую и «черную» работу, самые неприхотливые условия бытового обустройства, ведь главное для них было выжить.

Не случайно численность рабочих-казахов на Карсакпайском медеплавильном заводе и его рудниках увеличилась с 1929 по 1933 гг.(пик голода) с 327 до 2241 чел. (почти в 7 раз), предприятиях «Эмба нефти» - с 896 до 2550 (в 3 раза), Турксибе – с 1023 до 4975 чел. (4,9 раза). Тоже самое наблюдалось по Караганде, Ачисайском руднику, Чимкентскому свинцовому заводу, Актюбинскому химическому комбинату, Прибалхашстрою и т. д. (ЦГА РК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 293. Л. 187). Вокруг этих и других индустриальных очагов скапливались тысячи юрт откочевщиков, но это тех, кому еще повезло сохранить свои «мобильные» жилища – юрты, многие утратили и их, а потому ютились в промерзаемых землянках и насквозь продуваемых со всех сторон рабочих бараках, ежедневно подвергаясь к тому уничижительно бытовой (да и откровенно административной) шовинистической сегрегации.

Хлынувшие на стройки индустриализации, казахи-откочевщики, бывшие еще недавно скотоводами, в основной массе своей были, естественно, мало знакомы с трудом промышленного характера. Понятно, что они заполняли, главным образом, ниши «чернорабочего», низкооплачиваемого труда.

Следует отметить, что в статистике тех лет выделялись группы квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Но в категорию «квалифицированные» или «полуквалифицированные» включались и рабочие, выделявшиеся из основной массы лишь своим стажем, опытом и навыками труда на тех или иных производственных операциях. Хотя последние, по своей сути, очень часто мало чем отличались от «чернорабочего» труда, ибо были также связаны с тяжелыми физическими работами ручного характера.

Не трудно представить всю условность наречения «квалифицированным», труда, например, забойщиков в угольных или рудных шахтах, где, по крайней мере, в годы первой пятилетки даже пневматические отбойные молотки и перфораторы были в редкость, а потому в ходу были кайло и совковая лопата или откатчиков и вагончиков, двигавших вагонетки с углем и рудой исключительно своей мускульной силой (в карагандинских шахтах в 1933 г. было механизировано только 0,3 процента угледобычи, а в 1934 г. – 3,9 процента).

Или взять работу бурильщиков. Скажем, на Ачисайском свинцовом руднике их труд заключался в том, что один из рабочих бил кувалдой по железному буру, вгоняя его в рудное тело, а другой – держал этот бур, периодически вращая его руками по вертикальной оси. После 50-ти ударов (ударники делали по 100-150) рабочие менялись «операциями». На нефтевышках бурильщики должны были с помощью подвесных грузоподъемных блоков опускать и поднимать стальные буровые штанги, а также монтировать их с целью наращивания длины и т.д.

И вот на таких тяжелых физических работах, помимо рытья котлованов, сооружения земляных насыпей на железнодорожном полотне, «бегов» с тачкой, груженной землей или кирпичами, в основном и находили занятость вчерашние скотоводы – рабочие–казахи. В конце первой пятилетки среди бурильщиков, например, казахи составляли 80,5 процентов, откатчиков – 76, забойщиков – 61,2, вагончиков – 57,2 процента (Казахстанская правда. 1933, 12 мая).

Как уже говорилось, запредельную тяжесть и огромное напряжение труда претерпевали тогда все рабочие. Но для рабочих-казахов из откочевщиков такая работа была сопряжена еще и с тем, что их организм был подорван длительным голоданием на грани жизни и смерти, а скудные рабочие пайки, конечно же, не могли привести к его восстановлению. Напротив, их и без того изможденное здоровье продолжало истощаться от физических нагрузок тяжелого ручного труда. И никто не считал, сколько таких рабочих умерло уже непосредственно на производстве (да, и вряд ли статистика охраны труда – травматизма и смертности – тогда вообще велась, нам, по крайней мере, таковая в архивах не встречалась; такую статистику вел ГУЛАГ, но лишь для того, чтобы тут же восполнять потери рабочей силы своих лагерей новыми заключенными).

На VIII Казахской краевой партийной конференции председатель Совнаркома КАССР, У. Исаев в своем докладе (16 января 1934 г.) в бравурных тонах провозгласил: «За первое пятилетие мы создали армию национального пролетариата, составляющую 202 тыс. чел (здесь подразумевалась численность рабочих занятых во всем народном хозяйстве, кроме сельскохозяйственной сферы труда. – авт.)» (VIII Казахская краевая конференция ВКП (б). 8 – 16 января 1934 г. 1935:262). Имея в виду, что абсолютно преобладающая масса казахских рабочих формировалась, как показано выше, откочевщиками, можно сказать, что председатель правительства своей напыщенной фразой «**мы** (выделено авт.) **создали армию национального пролетариата** (выделено нами. - Авт.)» невольно персонифицировал ответственных за трагедию массового голода казахов. Ведь «**Мы**» - это никто иные, как сталинский режим и его прокураторы в Казахстане. Именно они своей антикрестьянской репрессивной политикой - конфискациями, опустошающими скотозаготовками, налоговым беспределом, раскулачиванием, административно–волевым принуждением кочевых и полукочевых хозяйств к оседлости и, наконец, насильственной коллективизацией – породили невиданную голодную стихию,

вынуждавшую население массами покидать родные аулы и с целью выживания вербоваться на «великие стройки сталинской индустриализации».

Темпы роста общей численности рабочих, занятых в промышленности Казахстана, были выше аналогичного среднесоюзного показателя в два – три раза (Стариков, 1989: 180-203). С гордостью рапортуя об этом, руководство республики, конечно, умалчивало, что «генератором» столь стремительных темпов являлись голод, поразивший республику, а также депортации в казахстанскую «кулацкую ссылку» значительных масс крестьянства.

Жертвы этой трагедии были выбиты из колеи привычного уклада хозяйства и быта, и в одночасье оказались волею сталинского режима в состоянии глубокой пауперизации, т.е. обнищания. Их можно было называть «пролетариатом» только, если понимать под этим словом не «революционную» марксистскую дефиницию, а его изначальное смысловое значение, а именно как совокупность неимущих людей, отличающихся необеспеченностью существования. И применительно к данному случаю такое определение более чем адекватно. (Кстати, дореволюционная статистика квалифицировала таких, так называемых «промышленных рабочих» под категорией «сельские отходники» или «сезонные рабочие» из числа пауперизированного крестьянства, которые нанимались на промышленные производства из-за обнищания или в периоды затухания сезонов сельскохозяйственных работ. Другими словами, это были крестьяне, рано или поздно возвращавшиеся в большинстве своем в сельское хозяйство, но жертвам коллективизации некуда было возвращаться, разве что на пепелища).

В контексте данной ремарки, по-видимому, есть смысл несколько задержаться на социальных характеристиках рабочего класса периода индустриализации. Как известно, в сталинской историографии первых пятилеток (литература 1930-х – первой половины 1950-х гг.) вопрос о «формировании нового советского рабочего класса» являлся одним из ключевых. Это вполне понятно, поскольку нужно было показать, что «диктатура пролетариата» получила в итоге индустриализации обширную социальную базу. Хотя в действительности страна в плане социальной структуры ее народонаселения по-прежнему оставалась преимущественно крестьянской, а в преломлении своих культурно-цивилизационных характеристик – типично аграрно – традиционным обществом. И, следовательно, так называемая «диктатура пролетариата» являлась на самом деле диктатурой меньшинства, причем вовсе не рабочего класса, а большевистской партии, а если персонифицировать ее еще более конкретно, то всевластного диктатора – Сталина.

Вся последующая советская историография, хотя и в несколько подправленных и видоизмененных после десакрализации «вождя всех народов» на XX съезде КПСС продолжала, тем не менее концептуально вторить сталинскому катехизису – «Краткому курсу истории ВКП (б)». По поводу первых пятилеток в ее текстах все также обильно пестрили такие, неизменно выстраиваемые только в превосходной степени, словосочетания, как, например, «формирование неведомого до этого в истории социалистического типа рабочего класса», «новый социалистический индустриальный рабочий класс с высочайшим уровнем политического сознания», «беспримерная политическая активность и трудовое творчество советского рабочего класса» и т.д., и т.п.

При этом субъекты рабочего класса выделялись якобы по фундаментальному, согласно марксистско-ленинской методологии, критерию – отношениям к собственности на средства производства. Между тем, после индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, т.е. тотального огосударствления всей структуры отношений собственности в призме этого социального индикатора рабочий класс уже ничем не отличался от крестьянства, которое теперь также было напрочь лишено собственности на средства производства и являлось массовым олицетворением социально-правовой фикции под названием «кооперативно-колхозная собственность».

Поэтому страта рабочего класса идентифицировалась в действительности по чисто формальным, к тому же весьма упрощенным социально-атрибутивным маркерам, а именно как часть населения, связанная в своей профессиональной деятельности с индустриальным трудом и проживавшая уже не в сельской местности, а в городах или промышленных центрах. В социологии, между тем, выработаны гораздо более существенные признаки промышленного рабочего класса. К ним относят такие, как более или менее достаточный уровень материального обеспечения, определенный уровень культуры вообще и политической и правовой культуры в частности, наличие личной свободы и политических прав, особый классовый этос, т. е. развитая профессиональная этика и индустриальная культура труда, нередко встречающаяся межпоколенная, можно сказать, «династийная», преемственность в навыках и опыте, психологии промышленного труда и т. д. При отсутствии этих признаков промышленный рабочий класс будет являть собой еще только, так сказать, «класс в себе» (только в потенции, в фазе возможного становления), но не «класс для себя», т. е. уже вполне состоявшийся промышленный рабочий класс (Стариков, 1989:180-203).

Заключение

Понятно, что такие характеристики свойственны промышленному рабочему классу индустриальных обществ. СССР же в рассматриваемый период был, если иметь в виду культурно-цивилизационный аспект, типичным образчиком аграрно-традиционного общества (его констатация как индустриально-аграрного государства справедлива лишь в плане структуры производительных сил: доминирование в ВВП промышленного сектора производства). А потому рабочий класс периода первых пятилеток находился в состоянии еще только «класса в себе». Он был сильнейшим образом маргинализирован, ибо был представлен, главным образом, людьми «от сохи», т. е. вышедшими из деревни, которая отнюдь «не вышла из них». Поэтому в массовой ментальности доминировало не «высочайшее классовое пролетарское самосознание», но еще достаточно мощные призывы императивов традиционной общинно-крестьянской субкультуры со всеми ее симметричными проекциями.

Список литературы и источников

- АП РК. Ф. 708. Оп. 139. Д. 2533. Л.3.
 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5827. Л.33, 34.
 АП РК. Ф. 141. Оп. 6502. Л. 32-33.
 АП РК. Оп. 141-1. Оп. 1067. Д. 12836. Л. 15.
 Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы//СОЦИС. Социологические исследования. – Москва. 1991. – №10. – сс. 3-21.
 Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Казахской ССР за годы второй пятилетки. – Алма-Ата, 1940. – с. 46.
 Казахстанская правда. 1933, 12 мая.
 Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. – Алма-Ата, 1957. – с. 255.
 Национальный состав кадров предприятий Казахстана. – Москва, 1936. – сс. 16-18.
 Резолюции и постановления VII Всеказахской партконференции. Алма-Ата. 1930. 53 с.
 Стариков Е. Н. Маргиналы. //В человеческом измерении. – Москва. 1989. – сс. 180-203.
 Социалистік Қазақстан. 1933, 11 шілде.
 ЦГА РК. Ф.5. Оп. 14. Д. 227. Л.16.
 ЦГА РК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 293. Л. 187.
 ЦГА РК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1468. Л.1.
 ЦГА РК. Ф.698. Оп. 4. Д. 310. Л. 33.
 VIIIКазахстанская краевая конференция ВКП (б). 8 – 16 января 1934 г. – Алма-Ата – Москва, 1935. – С. 520

References

- AP RK. F. 708. Op. 139. D. 2533. L.3. [in Russian]
 AP RK. F. 141. Op. 1. D. 5827. L.33, 34. [in Russian]
 AP RK. F. 141. Op. 6502. L. 32-33. [in Russian]
 AP RK. Op. 141-1. Op. 1067. D. 12836. L. 15. [in Russian]
 Zemskov V. N. «Kulackaja ssylka» v 30-e gody//SOCIS. Sociologicheskie issledovanija. – Moskva. 1991. – №10. – ss. 3-21. [in Russian]
 Itogi razvitija narodnogo hozjajstva i kul'turnogo stroitel'stva Kazahskoj SSR za gody vtoroj pjatiletki. – Alma-Ata, 1940. s. 46. [in Russian]
 Kazahstanskaja pravda. 1933, 12 maja. [in Russian]
 Narodnoe hozjajstvo Kazahskoj SSR. Statisticheskij sbornik. – Alma-Ata, 1957. – c. 255. [in Russian]
 Nacional'nyj sostav kadrov predprijatij Kazahstana. – Moskva, 1936. – cc. 16-18. [in Russian]
 Rezoljucii i postanovlenija VII Vsekazahskoj partkonferencii. – Alma-Ata. 1930. – 53 s. [in Russian]
 Starikov E. N. Marginaly//V chelovecheskom izmerenii. – Moskva. 1989. – ss. 180-203. [in Russian]
 Socialistik Kazakstan. 1933. 11 ijulja. [in Kazakh]
 CGA RK. F.5. Op. 14. D. 227. L.16. [in Russian]
 CGA RK. F. 138. Op. 1. D. 293. L. 187. [in Russian]
 CGA RK. F. 138. Op. 1. D. 1468. L.1. [in Russian]
 CGA RK. F.698. Op. 4. D. 310. L. 33. [in Russian]
 VIII Kazahstanskaja kraevaja konferencija VKP (b). 8 – 16 janvarja 1934 g. – Alma-Ata – Moskva, 1935. – S. 520 [in Russian]

МАЗМҰНЫ

Абдилдабекова А.М., Телеуова Э.Т., Кабдолдина К.К. РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ САЯСАТЫ АЯСЫНДАҒЫ МЕТРОПОЛИЯ МЕН КОЛОНИЯНЫҢ АРАҚАТЫНАСЫ	5
Абылхожин Ж.Б. ИНДУСТРИЯЛАНДЫРУДЫҢ ЖҰМЫС КҮШІ.....	18
Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В. ДӘУІРІНДЕГІ ТАРИХИ ЖАДТЫҢ ДИАЛЕКТИКАСЫ.....	31
Айтқазина М.М., Шамшиева Г.С. ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ АРДАГЕРЛЕРІНІҢ ӘСКЕРИ МҰРАСЫ	40
Алғожаева Н.С., Шашаев Ә.А., Зикирбаева В.С. МҰРАЖАЙ ТОПТАМАЛАРЫНДАҒЫ ФОТОМАТЕРИАЛДАРДЫҢ ДЕРЕКТЕМЕЛІК МАҢЫЗЫ.....	51
Арпова А.Д. МАРАТ МҰҚАНОВ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ОРТА ЖҮЗ РУЛАРЫНЫҢ ТАРАЛУ АЙМАҚТАРЫ.....	62
Ахметжанова А.Т. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘЙЕЛДЕР ҚОЗҒАЛЫСЫ ТАРИХЫНАН.....	71
Әлімбаев Қ.С. ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ ДӘУІРІНДЕГІ ЭЛИТА МЕН ХАЛЫҚТЫҢ ДІНИ ҰСТАНЫМДАРЫ (Ибн Рузбихан және Мұхаммед Әуез еңбектері бойынша).....	81
Әминов Т.М. ҚАЗАҚСТАННЫҢ БОЛАТ МАГИСТРАЛЬДАРЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ДАМУЫНЫҢ НЕГІЗГІ КЕЗЕҢДЕРІ (ТАРИХИ КӨЗҚАРАС).....	91
Әміржанова Н.С. ЛАТЫН ӘЛПБИЛІ ҚАЗАҚ ЖАЗУЫНЫҢ ТАРИХИ ТАҒЫЛЫМЫ: ШЕТТІЛДІК СӨЗДЕРДІҢ ЖАЗЫЛУЫ (1929-40 жж.).....	112
Әшім Б.Ә. ДОҒЫЗТАУДАҒЫ БЕСБАЙ ЖӘНЕ ИЗЕНАҒАШ ДІНИ-ТҮРҒЫН КЕШЕНДЕРІНІҢ МЕШІТТЕРІ.....	126
Джолдыбаева У.М., Қозыбақова Ф.А. ЖАҒАҒАНДАНУ ЖАҒДАЙЫНДА ҚАЗАҚСТАН МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯ МЕМЛЕКЕТТЕРІНІҢ ЭКОЛОГИЯ САЛАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫ.....	134
Жаппасов Ж.Е., Тасилова Н.А., Кулмесканова С.С. ТӘУЕКЕЛ ХАННЫҢ БИЛГІ ТҰСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ-ОРЫС ДИПЛОМАТИЯЛЫҚ БАЙЛАНЫСТАРЫ.....	146
Жұматов Д.С. ІС ҚАҒАЗДАРЫН ЖҮРГІЗУДІ ҚАЗАҚ ТІЛІНЕ КӨШІРУ: МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ЗАРДАПТАРЫ.....	161
Закарья Р. 1920-1930 ЖЖ. ШЕТЕЛДІК САЯСИ ЖӘНЕ ЕҢБЕК МИГРАНТТАРЫНА ҚАТЫСТЫ КЕҢЕС ОДАҒЫНЫҢ САЯСАТЫ	169
Ибраева А.Ф., Темірханова Ә.С. XVIII ҒАСЫРДАҒЫ РЕСЕЙ ӨКІМЕТІНІҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ СОЛТҮСТІК АЙМАҒЫНДАҒЫ САЯСИ-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚАДАМДАРЫ	177
Ибраева А.Ф., Темірханова Ә.С. XIX ҒАСЫРДАҒЫ ПЕТРОПАВЛ ҚАЛАСЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭТНИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫ.....	191
Ибраева А.Ф., Темірханова Ә.С. XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН	202
Ибраева А.Ф., Темірханова Ә.С. КЕҢЕСТІК БІЛІК ЖҮЙЕСІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӨКІМШІЛІК-ТЕРРИТОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ (XX ғ. бас. Солт. Қазақстан өңірі мысалында).....	216
Ибраева А.Ф., Темірханова А.С. ҚАЗАҚСТАННЫҢ СОЛТҮСТІК ӨңІРІН ЗЕТТЕУДІҢ ТАРИХНАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	233
Иембекова М.О., Божеева Б.З. ҚАЗАҚСТАН-ӘЗЕРБАЙЖАН: ӨЗАРА ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫҢ ӘЛЕУЕТІ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ.....	244
Кабдушев Б.Ж., Құдайбергенұлы Б. ҚАЗАҚСТАН ӨНЕРКӘСІБІН ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ ЖЫЛДАРЫНДА ЖӘНЕ НЫҒМЕТ НҰРМАҚОВ (1924-29 жж.).....	258

Кәрібаев Б.Б., Нұрғазина Н.Д. ӨЗ-ЖӘНІБЕК ХАННЫҢ ТАРИХИ ТҮЛҒАСЫ (шығыс нарративтері мен қазақтың шежіре аңыздары негізінде).....	274
Қалыбекова М.Ч. ЖАЗАЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР: ҚАЗАҚ ЖЕРІНЕ ХАЛЫҚТАРДЫ ДЕПОРТАЦИЯЛАУ ТАРИХЫНАН.....	295
Қанағатова Н. ТҰРМЫС-САЛТ ЖЫРЛАРЫНЫҢ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ЗАМАНАУИ НҮСҚАЛАРЫНЫҢ ТАРИХИ-МӘДЕНИ КОНТЕКСТІ.....	312
Қасенова А.Д., Құрманқұлов Ж., Сүйіндікова М.Қ., Утубаев Ж.Р. ҮНІРЕК ҒИБАДАТХАНАСЫНА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ АЛҒАШҚЫ ҚОРТЫНДЫЛАРЫ.....	327
Құдайбергелұлы Б., Кабдушев Б.Ж., Қозыбаева М.М. ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ПАВЛОДАР ҚАЛАСЫ.....	337
Құрманалиева А.Д., Хумархан Ж. ӘЛЕУМЕТТІК ТОП ҰҒЫМЫ АЯСЫНДА ДІНИ ЖАМАҒАТТАРДЫҢ ПАЙДА БОЛУЫ МӘСЕЛЕСІ.....	352
Мұқаметханұлы Н., Бейсенбаев О. COVID-19 ПАНДЕМИЯСЫ ЖАҒДАЙЫНДА «БІР БЕЛДЕУ – БІР ЖОЛ» ИНИЦИАТИВАСЫН ІСКЕ АСЫРУДЫҢ СЫН-ҚАТЕРІ	368
Мұхатова О. ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР ТАРИХЫНЫҢ ПОСТКЕҢЕСТІК КЕЗЕҢДЕ ЗЕРТТЕЛУІ (1992-2019 жж.).....	378
Өмірбекова Ж. ЕУРАЗИЯ КӨШПЕЛІЛЕРІНІҢ ЭТНОЭКОЛОГИЯЛЫҚ ДӘСТҮРЛЕРІНІҢ ҚАЛЫПТАСУ АЛҒЫШАРТТАРЫ	390
Садвокасова З.Т., Мухатова О.Х. XIX ҒАСЫРДА ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ХАЛЫҚ КӨТЕРІЛІСТЕРІНІҢ ЖЕТЕКШІЛЕРІ (ресейлік мерзімді баспасөз материалдары бойынша).....	402
Сарыбаев М., Диканбаева А. ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢДЕГІ ҚАЗАҚ-ФРАНЦУЗ ҚАТЫНАСТАРЫНДАҒЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ БІЛІМ САЛАСЫ.....	411
Сұлтангазы Г.Ж., Мукатаева Л.К. ЗАМАНАУИ ҚАЗАҚСТАН ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ТАРИХИ ЖАДЫ: ҚАҒАРМАНДАР МЕН ІШКІ МӘНДЕРДІ ІЗДЕУ.....	420
Толамисов А.Ғ., Айдынбекұлы А. ПАТРИОТИЗМ МӘСЕЛЕСІНІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ	429
Тоқтабай А.У. ҒҰНДАРДЫҢ АТТЫ ӨСКЕРЛЕРІ.....	439
Тоқтабай А.У. ҚАЗАҚТЫҢ АЛҒАШҚЫ КӘСІПҚОЙ ЭТНОГРАФТАРЫНЫҢ БІРІ ҚҰСАЙЫН ТӘКЕЖАНҰЛЫ.....	452
Тоқтабай А.У., Карамендина М.Ө. ТАШКЕНТ ҚАЛАСЫНДАҒЫ МАЛ ПІРЛЕРІНЕ ҚАТЫСТЫ ҒҰРЫПТЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕР (ЗЕҢГІ БАБА, ШОПАН АТА МАЗАРЛАРЫ).....	460
Тулешова У.Ж., Галимов Е.А. ҚАЗАҚ ДВОРЯНДЫҒЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУІ: XIX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК ӨЗГЕРІСТЕР ТУРАЛЫ.....	472
Уалтаева А.С., Бидахметова Ш.Б. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЭТНОСАРАЛЫҚ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ МЕХАНИЗМДЕРДІ ЖЕТІЛДІРУ ЖОЛДАРЫ	483
Уалтаева А.С., Пернекулова М. ЭТНОСАРАЛЫҚ ТӨЗІМДІЛІКТІ НЫҒАЙТУДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫ АССАМБЛЕЯСЫНЫҢ РӨЛІ.....	492
Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А. ӨТКЕН ҒАЛАМДЫҚ ПАНДЕМИЯҒА ШОЛУ: ИНФЕКЦИЯЛАР ЖӘНЕ ТАРИХИ ҮДЕРІСТІҢ ЖАЛПЫ БАРЫСЫ	502
Уралбаева Ж. Г.А. КУШАЕВ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ (Г.А. Кушаевтың 95 жылдығына арналған).....	515

Шалғынбай Ж. КЕҢЕС ДӘУІРІНЕ ДЕЙІНГІ ҚАЗАҚ КӨРКЕМ ӘДЕБИЕТ БАСЫЛЫМДАРЫ.....	523
Шалекенов М.У. ОРТАҒАСЫРДАҒЫ БАЛАСАҒҰН ЭТИМОЛОГИЯСЫ.....	536
Шапиева Г. ҚЫТАЙДАҒЫ МИГРАЦИЯЛЫҚ ҮДЕРІСТЕРДІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (XX ғ. аяғы – XXI ғ. басы).....	548
Шаяхметов Н.У., Байшов Б.Б., Четин Нур КАСПИЙ ТЕҢІЗІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘРТЕБЕСІН АЙҚЫНДАУ: ТАРИХ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢ.....	560
Шілдебай С.Қ. ҚАЗАҚ АКСР ДЕНСАУЛЫҚ САҚТАУ ЖҮЙЕСІНІҢ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫНАН.....	583

СОДЕРЖАНИЕ

Абдилдабекова А.М., Телеуова Э.Т., Кабдолдина К.К. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕТРОПОЛИИ И КОЛОНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	5
Абылхожин Ж.Б. РАБОЧАЯ СИЛА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.....	18
Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В. ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЭПОХУ АРХЕОМОДЕРНА.....	31
Айтказина М.М., Шамшиева Г.С. ВОЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	40
Алгожаева Н.С., Шашаев А.К., Зикирбаева В.С. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ЗНАЧЕНИЕ ФОТОМАТЕРИАЛОВ В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЕВ.....	51
Арпова А.Д. ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН И РОДОВ СРЕДНЕГО ЖУЗА В ТРУДАХ М.МУКАНОВА	62
Ахметжанова А.Т. ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ.....	71
Алимбаев К.С. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЭЛИТЫ И МАССЫ КОЧЕВНИКОВ К ЭПОХУ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА (по трудам Ибн Рузбихана и Мухаммада Аваза).....	81
Аминов Т.М. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СТАЛЬНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ КАЗАХСТАНА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	91
Амиржанова Н.С. ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ: НАПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ (1929-1940 гг.).....	112
Ашим Б.А. МЕЧЕТИ КУЛЬТОВО-ЖИЛИЩНЫХ КОМПЛЕКСОВ БЕСБАЙ И ИЗЕНАГАШ В ДОНЫЗТАУ	126
Джолдыбаева У.М., Козыбакова Ф.А. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	134
Жаппасов Ж.Е., Тасилова Н.А., Кулмесканова С.С. КАЗАХСКО-РУССКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ТАУЕКЕЛ ХАНА.....	146
Жуматов Д.С. ВВЕДЕНИЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	161
Закарья Р. ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНОСТРАННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ И ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ В ПЕРИОД 1920–1930 гг.....	169
Ибраева А.Г., Темирханова А.С. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШАГИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА В XVIII ВЕКЕ (на основе материалов по истории г. Петропавловска).....	177
Ибраева А.Г., Темирханова А.С. СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСКА В XIX ВЕКЕ.....	191
Ибраева А.Г., Темирханова А.С. СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	202
Ибраева А.Г., Темирханова А.С. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КАЗАХСТАНА В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на примере Северного региона Казахстана в начале XX века).....	216
Ибраева Г., Темирханова А.С. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА.....	233
Иембекова М.О., Бюжеева Б.З. КАЗАХСТАН-АЗЕРБАЙДЖАН: ПОТЕНЦИАЛ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЗАИМНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	244
Кабдушев Б.Ж., Құдайбергелулы Б. Н. НУРМАКОВ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАЗАХСТАНА В 1924-1929 гг.....	258

Карибаев Б.Б., Нуртазина Н.Д. ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА КАЗАХСКОГО ХАНА АЗ-ДЖАНИБЕКА (на основе восточных нарративов и генеалогических мифов казахов).....	274
Калыбекова М.Ч. НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ: ИЗ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН.....	295
Канагатова Н. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ТЕКСТОВ НАРОДНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ БЫТОВЫХ-ОБРЯДОВЫХ ПЕСЕН	312
Касенова А.Д., Курманкулов Ж., Суяндикова М.К., Угубаев Ж.Р. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА СВЯТИЛИЩЕ УНИРЕК	327
Кудайбергелды Б., Кابدусев Б. Ж., Козыбаева М.М. ГОРОД ПАВЛОДАР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	337
Курманалиева А.Д., Хумархан Ж. ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН В КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП.....	352
Мукаметханулы Н., Бейсенбаев О. ВЫЗОВЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	368
Мухатова О. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992-2019 гг.).....	378
Омирбекова Ж. ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ (по материалам российских исследователей XVIII в.).....	390
Садвокасова З.Т., Мухатова О.Х. ПРЕДВОДИТЕЛИ НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ XIX ВЕКА.....	402
Сарыбаев М., Диканбаева А. КАЗАХСТАНСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	411
Султангазы Г.Ж., Мукатаева Л.К. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА: ПОИСКИ ГЕРОЕВ И СМЫСЛОВ	420
Толамисов А. Г., Айдынбекулы А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЗМА	429
Токтабай А.У. КОННИЦА ГУННОВ.....	439
Токтабай А.У. ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЗАХСКИХ ЭТНОГРАФОВ К. ТАКЕЖАНУЛЫ.....	452
Токтабай А.У., Карамендина М.О. КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ТАШКЕНТА, СВЯЗАННЫЕ С ПОКРОВИТЕЛЯМИ ЖИВОТНЫХ.....	460
Тулешова У.Ж., Галимов Е.А. ИССЛЕДОВАНИЕ КАЗАХСКОГО ДВОРЯНСТВА: О СОЦИАЛЬНОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ СТЕПИ В 19 ВЕКЕ	472
Уатаева А.С., Бидахметова Ш.Б. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	483
Уалтаева А.С., Пернекулова М. РОЛЬ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	492
Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А. ОБЗОР ПРОШЛЫХ МИРОВЫХ ПАНДЕМИЙ: ИНФЕКЦИИ И ОБЩИЙ ХОД ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	502
Уралбаева Ж. Г.А. КУШАЕВ В АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА (к 95-летию Г. А. Кушаева).....	515
Шалгынбай Ж. КАЗАХСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗДАНИЯХ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	523

Шалекенов М.У. ЭТИМОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО БАЛАСАГУНА.....	536
Шапиева Г. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КИТАЕ (конец XX – начало XXI вв.).....	548
Шаяхметов Н.У., Байшов Б.Б., Четин Нур ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	560
Шилдебай С.К. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КАЗАХСКОЙ АССР	583

CONTENTS

Abdildabekova A.M., Teleuova E.T., Kabdoldina K.K. RELATIONS BETWEEN THE MOTHER COUNTRY AND THE COLONY IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE	5
Abylkhozhin Zh.B. LABOR FORCE OF THE INDUSTRIALIZATION.....	18
Abylkhozhin Zh.B., Krupko I.V. DIALECTICS OF HISTORICAL MEMORY IN THE AGE OF ARCHAEOLOGICAL.....	31
Aytkazina M.M., Shamshieva G.S. MILITARY HERITAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR VETERANS.....	40
Algojaeva N.S., Shashaev A.K., Zikirbaeva V.S. SOURCE OF PHOTOGRAPHY IN MUSEUM COLLECTIONS	51
Arepova A.D. TERRITORY OF DISTRIBUTION OF MIDDLE ZHUZ'S NOMADIC TRIBES IN THE WORKS OF M. MUKANOV.....	62
Ahmetzhanova A.T. FROM THE HISTORY OF THE WOMEN'S MOVEMENT IN KAZAKHSTAN.....	71
Alimbayev K.C. RELIGIOUS VIEWS OF THE ELITE AND THE MASS OF NOMADS IN THE ERA OF THE KAZAKH KHANATE (based on the works of Ibn Ruzbihan and Muhammad Avaz).....	81
Aminov T.M. MAIN STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN'S RAILWAY MAIN LINES (HISTORICAL ASPECT).....	91
Amirzhanova N.S. HISTORY OF KAZAKH WRITING BASED ON THE LATIN ALPHABET: THE WRITING OF FOREIGN WORDS (1929-1940s).....	112
Ashim B.A. MOSQUES OF BESBAY AND IZENAGASH RELIGIOUS-RESIDENTIAL COMPLEXES IN DONYZTAU.....	126
Dzholdybaeva U.M., Kozybakova F.A. ENVIRONMENTAL COOPERATION BETWEEN KAZAKHSTAN AND CENTRAL ASIA COUNTRIES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION	134
Zhappasov Zh.E., Tasylova N.A., Kylmeskanova S.S. KAZAKH-RUSSIAN DIPLOMATIC RELATIONS DURING THE REIGN OF TAUHEL KHAN.....	146
Zhumatov D.S. INTEGRATION OF THE KAZAKH LANGUAGE IN OFFICE WORK: PROBLEMS AND CONSEQUENCES.....	161
Zakarya R. POLICY OF THE SOVIET UNION REGARDING FOREIGN POLITICAL AND LABOR MIGRANTS IN THE PERIOD OF 1920-1930.....	169
Ibraeva A.G., Temirkhanova A.S. POLITICAL AND ECONOMIC STEPS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE NORTHERN REGION OF KAZAKHSTAN XVIII CENTURY (Based on the materials of Petropavlovsk history).....	177
Ibraeva A.G., Temirkhanova A.S. SOCIO-ETHNIC SITUATION OF THE CITY OF PETROPAVLOVSK IN THE XIX CENTURY	191
Ibraeva A.G., Temirkhanova A.S. NORTH KAZAKHSTAN AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.....	202
Ibraeva A.G., Temirkhanova A.S. ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL ISSUES OF KAZAKHSTAN IN THE SOVIET SYSTEM (on the example of the Northern region of Kazakhstan in the early twentieth century).....	216
Ibraeva A.G., Temirkhanova A.S. HISTORICAL ISSUES OF RESEARCH OF THE NORTHERN REGION OF KAZAKHSTAN	233
Iyembekova M.O., Buzheeva B.Z. KAZAKHSTAN-AZERBAIJAN: POTENTIAL AND CURRENT STATE OF MUTUAL COOPERATION.....	244

Kabdushev B.Zh., Kudaibergenuly B. N. NURMAKOV AND RESTORATION OF KAZAKHSTANI INDUSTRY IN 1924-1929.....	258
Karibayev B.B., Nurtazina N.D. HISTORICAL FIGURE OF KAZAKH KHAN AZ-JANIBEK (based on the eastern narratives and genealogical myths of Kazakhs).....	274
Kalybekova M.Ch. PUNISHED PEOPLES: FROM THE HISTORY OF DEPORTATION OF PEOPLES IN KAZAKHSTAN.....	295
Канагорова Н. HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF TEXTS OF FOLK AND MODERN HOUSEHOLD-RITUAL SONGS.....	312
Kasenova A.D., Kurmankulov Zh., Suyundikova M.K., Utubayev Zh.R. INITIAL RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL WORK IN THE SANCTUARY OF UNIREK	327
Kudaibergenuly B., Kabdushev B.Z., Kozybayeva M.M. PAVLODAR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WA	337
Kurmanaliyeva A.D., Khumarkhan Zh. THE PROBLEM OF THE ESTABLISHMENT OF RELIGIOUS COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF SOCIAL GROUPS.....	352
Mukametkhanuly N., Beisenbayev O. CHALLENGES IN THE IMPLEMENTING OF «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC	368
Mukhatova O. STUDY OF THE HISTORY OF NATIONAL LIBERATION MOVEMENTS IN THE KAZAKH STEP IN THE POST-SOVIET PERIOD (1992-2019).....	378
Omirbekova Zh. BASES OF FORMATION OF ETHNO-ECOLOGICAL TRADITIONS OF NOMADS OF EURASIA (based on materials from Russian researchers of the eighteenth century).....	390
Sadvokasova Z.T., Muhatova O.Kh. THE LEADERS OF THE POPULAR UPRISINGS IN KAZAKHSTAN OF THE XIX CENTURY (based on the materials of the Russian periodical press).....	402
Sarybayev M., Dikanbayeva A. KAZAKH - FRENCH RELATIONS IN THE FIELD OF CULTURE AND EDUCATION AT THE PRESENT STAGE...411	
Sultangazy G.Zh., Mukataeva L.K. HISTORICAL MEMORY IN THE CONDITIONS OF MODERN KAZAKHSTAN: SEARCH FOR HEROES AND MEANINGS.....	420
Tolamissova A.G., Aidynbekuly A. THEORETICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF PATRIOTISM.....	429
Toktabay A.U. CAVALRY OF THE HUNS.....	439
Toktabay A.U. ONE OF THE FIRST PROFESSIONAL KAZAKH ETHNOGRAPHERS K. TAKEZHANULY.....	452
Toktabay A.U., Karamendina M.O. THE CULT MONUMENTS OF TASHKENT, ASSOCIATED WITH PROTECTORS OF ANIMALS (SHRINES ZENGI BABA, SHOPAN ATA).....	460
Tuleshova U., Galimov Y. RESEARCHING THE KAZAKH NOBILITY: ABOUT SOCIAL CHANGES IN THE 19TH CENTURY STEPPE.....	472
Ualtayeva A.S., Bidakhmetova Sh.B. WAYS TO IMPROVE INSTITUTIONAL INTERETHNIC MECHANISMS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	483
Ualtayeva A.S., Pernekulova M. STRENGTHENING INTERETHNIC TOLERANCE	492
Uzhkenov E.M., Shotanova G.A. OVERVIEW OF THE PAST GLOBAL PANDEMICS: INFECTIONS AND THE OVERALL COURSE OF THE HISTORICAL PROCESS.....	502

Uralbayeva Zh.	
G.A. KUSHAEV IN ARCHEOLOGICAL SCIENCE OF KAZAKHSTAN (to G. A. Kushayev's 95 year).....	515
Shalgynbay J.	
KAZAKH ART LITERATURE IN PUBLIC PUBLICATIONS	523
Shalekenov M.U.	
ETHYMOLOGY OF THE MEDIEVAL BALASAGUN	536
Shapiyeva G.	
FEATURES OF MIGRATION PROCESSES IN CHINA (late XX–early XXIcenturies).....	548
Shayakhmetov N., Baishov B., Çetin Nur	
DETERMINATION OF THE LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA: HISTORY AND MODERNITY	560
Shildebay S.	
FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE KAZAKH ASSR.....	583

EDU.E-HISTORY.KZ

электрондық ғылыми журналы 2020. 2(22)

Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:
Зикирбаева В.С.

Жарияланған күні: 30.06.2020.
Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:
050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
ШЖҚ РМКТел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Е-mail: edu.history@bk.ru.
Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй